

Патъяна Александрова

**Замуж
за иностранца?
Легко!**

Татьяна Львовна Александрова

Замуж за иностранца? Легко!

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29799095

Замуж за иностранца? Легко! / Татьяна Александрова: Издательский

дом Ромм и сыновья; Москва; 2017

ISBN 978-3-99062-229-6

Аннотация

...Еще не раз и не два, а порой долго потом и совершенно неожиданно вспоминалась Наде та изумительная поездка в Ливерпуль. День был весь пронизан солнечными лучами, такими ласковыми, такими яркими... Они сверкали в синей воде речки, отражались на немногих сохранившихся листьях старых платанов и румянили прохладные щеки...

В этой новой книге Татьяны Александровой вы узнаете о непростой, но интересной судьбе русской девушки Нади, которая так стремилась выйти замуж за иностранца. Получилось ли?

Для некоторых молодых девушек книга станет руководством к действию. А в рассказах многие из нас узнают себя.

Содержание

Замуж за иностранца? Легко!

4

Конец ознакомительного фрагмента.

57

Татьяна Александрова Замуж за иностранца? Легко!

Замуж за иностранца? Легко!

20 августа 1986 года. Свадьба.

Надя надела платье и посмотрелась в зеркало. Ничего, вроде... Только можно было и покороче. Но это мамин выбор длины. Она перевела взгляд на лицо и вздохнула. Зеркало отражало загорелую мордашку с довольно курносом носом и любопытными зелеными глазами. Нос, конечно, под-

качал. Может, с возрастом, как взрослые говорят, изменится и станет приличным. А если нет? Она где-то слышала, что нос, как и уши, растет всю жизнь. А ну как вширь начнет расти и превратится в картофелину? А если в длину, то вдруг будет как у Оли Булавиной – чуть до подбородка не достает...

Надя сразу как-то расстроилась, даже ехать на свадьбу расхотелось...

В дом, не постучавшись даже, вошла Оля и весело спросила:

– Ты что, не готова еще? Опоздаем же! Свадьба не ждет.

Она посмотрела на Надино платье и сказала:

– Какое хорошенькое! Мама купила?

– Да.

– А чего ты такая?

– Какая?

– Невеселая.

– Да нет, веселая. Пошли!

Надя пропустила Олю вперед и подумала: «Надо же, и не расстраивается нисколько из-за своего носа!»

У дома стоял «жигуленок» бежевого цвета.

– Девчонки, побыстрее! Опаздываем! – Надин дедушка раскрыл дверцы машины.

– А где Митя? Я с ним хотела...

– Уже уехал твой Митя. Он свидетелем на свадьбе. Ему пораньше надо. Садитесь, садитесь! – дедушка был явно не в духе. И Надя знала, почему. Просто дедушка Коля ужасно не любил машину водить, волновался всегда. А сегодня пришлось, в одну Митину они все не поместились бы.

Замелькали последние дома, дорога пошла через поля, спускаясь с пригорков к речке, и юлила мимо деревень. Ночью прошел дождь, и все домишки блестели на солнце вымытыми окнами. Взрослых на улицах было мало, в основном около домов торчала ребятня.

Надя начала играть в свою любимую игру в которой она была не она, а, например, вон та девочка в желтом платье... Допустим, звали бы ее Тасей. Нет, не Тасей – Леной. И родилась бы она здесь, и в школу ходила тоже здесь. А куда бы она на каникулы ездила? Да в город, наверное. А в городе летом неинтересно. Все дворы пустые... никого... Скучно!

– Надь, ты про что думаешь? – спросила бабушка Нина.

Вообще, если точно, бабушка Нина была не совсем Нади-на бабушка, а родная сестра бабушки Кати, маминой мамы. А дед Коля, соответственно, ее муж. Ух, как все непросто!

– Про свадьбу. Интересно, какое платье у невесты? И фата – длинная или короткая?

– Увидишь скоро.

– А долго еще ехать?

– Если все нормально, километров двенадцать.

– Ничего себе! А двенадцать – это по времени долго?

– Никогда не спрашивай – долго, не долго! Едем и едем! – проворчал дедушка.

– Надь, давай в города играть! Я начинаю – Минск! – Оле уже тоже хотелось поскорее приехать.

– Калуга, – отозвалась Надя.

...Свадьба была очень веселая и шумная. Столы накрыли прямо в саду, под яблонями. Они стояли буквой Т, и во главе сидели жених с невестой. Все их поздравляли, дарили подарки, желали счастья.

Невесту звали Мариной, а жениха – Володей. Наде Марина очень понравилась. И волосы красиво уложены, и фата длинная. Платье из красивой блестящей материи так здорово облегло тонкую талию! «Вот бы мне такую талию!» – подумала Надя. А вот Володя был какой-то щупленький, и видно было, что он всего этого шума и внимания к себе очень стесняется. Когда кричали «горько», он торопливо чмокал невесту и быстро садился на свое место.

«Никогда бы за такого не вышла!» – подумала Надя.

Бабушка Нина от всей семьи преподнесла молодым красивый сервиз с розочками и еще конверт. Там были деньги. Накануне дед говорил: «Нин, деньги неудобно как-то!» А бабушка сказала: «Деньги всегда удобно. Особенно своим!»

Кто-то рядом с Надей произнес:

– Привет, родственница!

Она оглянулась. Загорелый мальчик, явно старше ее, сто-

ял сзади и насмешливо шурился. «Наверное, уже в девятом», – решила она, а вслух сказала:

– Привет!

– Меня Андреем зовут. Я – брат невесты. Младший. А ты – Надя. Я знаю. Из Ленинграда.

– А почему – родственница?

– Ну на самом деле и не родственница, если точно. Родственник мне твой дед Коля. А он – муж твоей бабушки Нины, которая сестра твоей бабушки Кати. То есть, мы как бы родственники.

Надя и Андрей рассмеялись.

– Повезло тебе – у тебя сестра есть. А у меня никого...

– Не только сестра, есть еще брат, старший. Валера. Но он сейчас не здесь.

– А где?

– В Австралии.

– В Австралии? Ничего себе! А что он там делает?

– Живет, работает. Пишет, что там здорово.

– А как он уехал, зачем? Один?

– Сколько вопросов! Отвечаю. Не один. С женой. А уехал – на работу пригласили. Они с женой отличные программисты, ленинградский матмех закончили. А наши программисты везде ценятся.

– А почему?

– Хорошо в институтах учат. Я вот тоже в университет поступить хочу.

– Тоже в Австралию поедешь?

– Нет... зачем? Мне и здесь хорошо!

Помолчали.

– Ну что, свадьба нравится?

– Очень! А тебе?

– А мне нет. Лишнее это все! Ну иди, танцуй!

Зазвучала модная песенка, и Надя присоединилась к танцующим.

А ее «родственник» Андрей подошел к каким-то ребятам, которые стояли поодаль группкой и разглядывали девчонок.

Наде Андрей очень понравился! Высокий, – а это важно! – волосы русые, а глаза!.. Прямо синие какие-то! Как небо!

«Вот за такого бы замуж я вышла!» – думала Надя на обратной дороге. И ей еще больше захотелось быть той девчонкой в желтом платье, которую она видела утром.

Потому что она бы тогда жила неподалеку от Ольховки, где живет Андрей, и они бы ходили на одну и ту же дискотеку...

Но до свадьбы еще так далеко! Ведь ей всего двенадцать, а невесте, Марине, девятнадцать.

То есть еще целых семь лет!

20 июня 1990 года. Он.

Андрей шагал быстро, уверенно, а на душе было неспокойно. А вдруг Настя не согласится выходить за него замуж?

Да нет, согласится. Он чувствует.

Тянуть нельзя. Посылают в Североморск служить, а там без семьи никак!

Почему-то вспомнилась смешная девчонка Надя из Ленинграда. Как она тогда, на свадьбе, на сестру его смотрела! Завидовала, наверное, как все девчонки невестам завидуют. Потешные!

Наверно, школу уже заканчивает в своем Ленинграде...

Да, у него с Ленинградом ничего не вышло.

И кто тогда первый предложил на директорской машине покататься? Виталик, наверное, вечный заводила. Конечно, на Виталика все валить нельзя. Все хороши – и Юрка, и он, Андрей. Но так захотелось за рулем посидеть! Андрей как сейчас почувствовал ту легкую дрожь во всем теле от восторга, что он едет! Едет, и эта замечательная, новенькая «ладочка» его слушается! Он и сейчас улыбался тому моменту, когда весь зашелся от переполнявшего его восторга!..

Но восторг длился недолго. Откуда ни возьмись, наперерез «жигуленку» выскочил велосипедист. Старикашка какой-то. Андрей испугался и резко вывернул вправо. А там – киоск! Здорово врезались! Передок машины вдребезги. Сами ничего, отделались царапинами.

Ну конечно, скандал. Угон, урон и т. п. Хотели дело заводить. Но директор человеком оказался. Всех троих в мореходку отправил – как раз разнарядка пришла. А Андрей так мечтал в Ленинградский университет поступить! Но условие

было жесткое – или дело заводят, или мореходка. Так что поездочка на директорском «жигуленке» судьбоносной оказалась.

Да что теперь, дело прошлое.

Мореходка позади. И поедет новоиспеченный мичман Андрей Казначеев на эсминце служить. Интересно, что за город такой – Североморск этот? Ну уж не Ленинград, это точно...

А в Ленинграде столько родни!

Андрей прибавил шаг – опаздывает. Он всегда чувствовал себя неловко с цветами в руках. Вот и сейчас, подходя к месту их встречи с Настей, опустил букетик роз бутонами вниз, как веник... Но он был с цветами! Как никогда.

Настя шла навстречу и улыбалась. Как он хорош со своей мальчишеской походкой!

Смущенно, едва поздоровавшись, он спросил:

– Выйдешь за меня?

– Да, конечно, да!

– Ух, а я переживал...

– Что переживал?

– Что не согласишься.

– Дурачок...

– Слушай, а давай к нашим в деревню смотаемся! Так хочется, хоть на денек! Я забегался, даже не звонил сто лет.

– Давай в пятницу. А я тетю Нину недавно видела. Она к врачам в Курск приезжала.

– А что с ней?

– Да там что-то... особо не рассказывала. Все говорила, что первый раз после того облака из Чернобыля огурцы нормальные. А то ведь все листья чернели у них.

– Да, огурцы чувствуют. Они же из воды практически состоят. А вода откуда – из земли...

– Ой, какой же ты у меня умный да знающий!

– Что есть, то есть, – Андрей засмеялся и обнял Настю за талию.

* * *

Они прошли в сад и присели на старую, издававшую виды скамеечку. Зинаида Петровна молча теребила в руках носовой платок. Андрей не торопил ее.

– Не хотела сначала говорить тебе, но теперь скажу. Настя-то наша чуть замуж не выскочила.

– Когда? – Андрей был поражен.

– Чуть больше полугода назад.

И Зинаида Петровна поведала изумленному Андрею, как однажды Настя явилась домой с черноволосым красавцем и представила его: «Ренат, мой жених».

Ренат, ничуть не смущаясь, бодро пожал родителям руки и сразу объявил, что он только что получил диплом инженера-строителя, и они с Настей скоро уезжают в Казань, где живут его папа с мамой и два брата. Дом у них там большой,

так что проблем никаких не будет, места всем хватит. А своим родителям он уже все сообщил, они очень рады...

– Меня чуть удар не хватил, Андрюш!

– И чем все кончилось?

– Ну ушел он, а я дочь вразумлять стала. Говорила, что не будет ей в этой Казани счастья. Потому что чужие там все. Надо среди своих жить. Может, и хороший этот Ренат, а ничего путного не выйдет. Ведь христиане мы...

Зинаида Петровна вытерла платочком повлажневшие глаза.

– Я сказала: или этот Ренат, или мы с отцом. Так Настя из дома уходила, у подружек жила. Все никак смириться не хотела. Ну слава Богу, может еще кто-то с ней поговорил или сама хорошо подумала. А только через неделю пришла домой тихая, грустная. И больше про этого казанского Рената мы не слыхали.

Зинаида Петровна вздохнула.

– А со мной с тех пор совсем перестала по душам разговаривать. Так, все междометиями...

– Да, история...

Вот так Настя! А он-то думал, что с тех самых детских лет Настя только о нем мечтает...

– Андрюш, ты меня не выдавай. Захочет – сама скажет.

– А вы мне это зачем рассказали?

– Чтоб берег ее!

Зинаида Петровна сердито поглядела на Андрея и пошла

к дому.

20 июня 1990 года. Она.

Надя стояла на сцене и слушала, как ей хлопает зал.

Это было чувство, наверное, ни с чем ни сравнимое. Она – на сцене, как настоящая актриса. Здесь, в школьном театре-студии Надя чувствовала себя по-настоящему счастливой.

Пусть ей не всегда доставались главные роли, это было неважно. А важно было то, что она играла, она перевоплощалась в других людей, проживала их жизни, написанные драматургами, страдала их страданиями, любила их любовью. Давнишняя детская игра перешла в реальность.

А сегодня она играла Ларису, бесприданницу в пьесе Островского. Ей очень по душе был этот образ, и перевоплощение давалось легко.

С мальчиком, который играл Паратова, у Нади были отношения с точностью наоборот. Лариса-Надя обожала Паратова, а Надя Володина очень Паратова-Сашу не любила. Саша-Паратов был по уши влюблен в Надю Володину, а Паратов играл чувствами Ларисы-Нади, как игрушкой.

Это для того здесь написано, дорогой читатель, чтобы было понятно, как Наде было трудно изобразить любовь, где ее уж совсем не было.

Но спектакль удался, и зрителям понравилось! А это – главное! Ведь для них все и делается...

Нонна Константиновна, художественный руководитель их театра-студии, – настоящая актриса, между прочим, – сказала, что ей, Наде, надо попробовать в театральные поступить.

Но дома никто и слышать об этом не хотел. Папа скептически хмыкал, а мама сразу заявила: «Это не профессия. Надо научиться хоть что-то делать руками!»

– Что руками? Что? – кричала Надя в одну из таких ссор. – Пойми, я хочу играть! Нонна Константиновна...

– Твоя Нонна Константиновна сама без ролей и денег сидит.

– Откуда ты знаешь?

– Тут и знать нечего. Кружок ваш ведет.

– Не кружок, а театр!

– Ой, не смейся. И ты сама говорила, что она сказала «надо попробовать». Глупышка, там, знаешь, какие пробуют?

– Какие?

– Ну или ноги от ушей, или чьи-то дети.

Тут Наде крыть было нечем. Ноги были обычные. И она – дочь обычных инженеров, которых кругом великое множество. И уж точно в театральном мире, в который мечтала попасть Надя, никто о них не ведал...

Но сейчас Надя стояла на сцене, и ей аплодировал зал. Там, в темной глубине, она видела сотни лиц и глаз, обращенных на нее и увлеченных вместе с ней изумительной пье-

сой великого Островского.

28 апреля 1994 года. Он.

Ляля сидела на краю кушетки и, улыбаясь, разглядывала лежащего перед ней мужчину.

Она только что приняла душ. На ней была его рубашка, которая чуть прикрывала Лялино роскошное тело. Лялина грудь была просто великолепна, несмотря на то, что она уже давно миновала рубеж в двадцать пять лет.

Прекрасно зная свои лучшие стороны, она и сейчас чуть больше приоткрыла свое тело и наслаждалась произведенным эффектом.

Его глаза снова затуманились, он порывисто обнял ее. Но тут, как будто споткнувшись, остановился и Лялину руку выпустил.

– Что? – недовольно спросила Ляля.

– Все, надо идти.

– Куда?

– Дочку из детсада забрать.

– Так рано еще. А что, жена не может дочку забрать?

– Слушай, Ляля, оставь мою жену в покое!

– А я ее и не трогаю. Андрюш, сейчас все так удачно складывается – Володя только через три дня вернется. Ну придумай что-нибудь для жены. Скажи, что на судно вызвали срочно... что-то случилось... Когда еще так повезет, что он

в походе, а ты на берегу? Останься! Я тебе такую ночку обещаю – не забудешь!

И так она говорила-уговаривала, так призывно вздымалась ее грудь, что Андрей, поколебавшись, сказал:

– Ладно, Лялечка, скоро буду. Не одевайся!

Ляля счастливо засмеялась и дала поцеловать себя на прощание.

На улице было не по-весеннему холодно и промозгло. Город давно жил без солнца, без тепла. Здесь все казалось неумытым, заброшенным, забытым. Дома стояли в ободранной штукатурке с забитыми всяким хламом балконами. Казалось, это здесь никого не волновало. Это было не важно. Потому что все здесь подчинялось одному – служению ледяному морю на холодных стальных чудовищах, которые то темными китовыми тушами торчали из воды, то железными ихтиозаврами безмолвно стояли у причалов, ощерившись воинственными пушками.

Навстречу Андрею попадались знакомые офицеры, улыбались, приветствуя его. И ему показалось, что все они в курсе, откуда он идет, и что собирается делать потом.

На душе стало мерзко.

Оазисом посреди серой улицы сиял огнями цветочный ларек. У входа стоял хозяин ларька, пожилой азербайджанец Карим. Увидев Андрея, он прямо расцвел.

– Здравствуй, дорогой! Как дела?

- Здравствуй, Карим. Все нормально.
- Жену решил навестить?
- Да.
- Заходи.
- Спасибо.

Андрей вошел в цветочное царство. Ароматы гвоздик, роз и лилий, свежесть зелени обхватили его прозрачным облаком.

- Здравствуйте, барышни! Хорошо тут у вас, красиво.

Две «барышни», одна из которых была его Настя, заулыбались и прекратили свою любимую работу – оформление букетов.

– Что желаешь, молодой-красивый? – шутливо спросила Варя, Настина напарница.

- Желаю букет для любимой женщины, да получше!
- Да ладно, Андрюша, не надо! – запротестовала Настя.
- Надо, надо!

Андрей выбрал букет из благоухающих лилий и протянул его Наде.

- По какому случаю, Андрюша?
- А просто так, без случая. Ты когда заканчиваешь?
- Через полтора часа.
- Тогда я Нюшку заберу из садика?
- Конечно! Вот она будет рада!
- Мы ждем тебя дома. Ну я пошел.

Маленькая теплая Ньюшина ладошка, что доверчиво лежала в руке Андрея, примирила его со всем миром. Уже казалось неважным, что его, мичмана, мало кто во что ставит. Как же, ведь они – офицеры! А он – нет. Но он нашел себя и здесь. Умел заводить знакомства, что при его интендантской должности было очень важно. Организовывал отдых высших офицеров, возвращавшихся из походов и истосковавшимися по твердой, пусть и неласковой северной земле. Характер у Андрея был покладистый, а сам он слыл жизнерадостным и неунывающим. Да еще он был очень симпатичным мужчиной. Это, правда, ему мешало, потому что активные офицерские жены откровенно клеились к Андрею, особенно когда их мужья уходили в свои длинные походы. Вот такой активной и Ляля оказалась. Проходу не давала. И однажды Андрей сдался.

Связь тянулась и тянулась. Ляля была ненасытна. Ему уже так хотелось все прекратить... Намекнув ей однажды, что пора расстаться, услышал в ответ:

- А я могу сделать так, что твоя Настена все узнает.
- И чего ты добьешься?
- Бросишь ее, женишься на мне.
- Ага, а когда я уйду в моря, еще такого Андрея найдешь!
- Нет, такого не найду!

Он вспомнил, отчего ушла из школы его Настя и стала торговать цветами. Потому что здесь, в цветочном ларьке, никакой сопливый мальчишка не мог ей заявить: «Вот толь-

ко попробуйте мне двойку поставить. Мой папа – капитан второго ранга, и он уволит вашего мужа-мичмана, и вам нечего будет есть!» А Настя с отличием закончила пединститут, между прочим...

Да, было и такое.

– Папа, пойдем в магазин!

– В какой, Ньюша? – На самом деле он знал, в какой.

– В игрушечный.

– А что ты хочешь там купить?

– Барби.

– Так у тебя есть уже.

– Еще хочу!

Ньюша насупилась и даже ножкой притопнула.

– Ладно, пойдем.

– Ура! – крикнуло это трехлетнее существо и подпрыгнуло от радости.

28 апреля 1994 года. Она.

Были такие предметы, которые Надя терпеть не могла. Но училась как-то, плыла по течению. Поступив по настоянию родителей в институт авиаприборостроения, причем, очень легко, она на первых курсах буксовала по высшей математике и начертательной геометрии.

Непредставление трехмерного измерения мучило ее. Это

потом она узнала, что большинство женщин этим страдают— так уж устроены их головы... А тогда она просто извелась, считая себя чуть ли не какой-то неполноценной...

И вот сейчас, уже на третьем курсе появились некоторые интересные предметы. Антенные устройства, например. Кто-то, может, скажет: ничего хорошего да и сложно. Но Наде это давалось легко. И лабораторные работы она сдавала вовремя, и многие из группы у нее даже списывали.

Был, конечно, здесь еще один момент. Кроме интереса к предмету у Надежды был интерес к человеку, которому этот предмет помогал заработать на кусок хлеба. Иными словами, к преподавателю.

Звали его Олег Сергеевич.

Молодой аспирант с антенной кафедры сразу покориł сердца многих студенток. Он очень доходчиво излагал на лекциях свой предмет, и было просто невооруженным глазом видно, что он влюблен в него. Влюбилась и Надя. Сначала в Олега Сергеевича, а потом и в антенные устройства. Казалось, Олег Сергеевич, или просто Олег, как его про себя называла Надя, тоже был к ней неравнодушен. На лекциях часто останавливал на ней свой взгляд и объяснял наиболее сложные моменты, глядя ей, Наде, прямо в глаза...

Сегодня Надя решила задержаться на кафедре. Надо было к зачетной сессии выяснить пару моментов из жизни любимых антенных устройств. Конечно, с любым преподавателем

можно поговорить, но Наде любой не подходил, и она очень надеялась, что там будет Олег Сергеевич!

Надю окликнула Ира, ее одногруппница и, можно сказать, подруга:

– Надин, пойдем в столовку, пожуюем чего-нибудь?

– Давай, а то домой не скоро.

Девчонкам так захотелось есть, что они набрали полные тарелки. Тут были и салат, и сардельки, булочки, хлеб и, конечно, компот.

Уселись за столик, обсуждая последние новости. Обычный девичий разговор – кто, где, с кем, что модно этой весной.

И вдруг Надя замолчала, замерев на полуслове.

– Что это с тобой?

– Смотри туда.

И Надя глазами показала Ире, что смотреть надо на кофейную стойку, что располагалась у них в институтской столовой отдаленно от раздачи.

А появились там и стояли в конце небольшой очереди два молодых аспиранта и очень привлекательная молодая женщина. Женщина эта оказалась их бывшей преподавательницей английского, Ларисой Алексеевной. А два аспиранта – их Олег Сергеевич и его приятель Виталий.

– Надь, да не переживай ты так.

– А я и не переживаю.

– А чего побледнела? Брось, это всего лишь столовая, а не свидание под луной. И потом, может, это девушка Виталия?

– Ну во-первых, Виталий женат. А во-вторых...

– А во-вторых?..

Во-вторых, и главных, было, конечно, то, что ее Олег так смотрел на эту Ларису, так смотрел, что все ей, Наде, стало понятно.

Внутри будто поселился кто-то холодный и противный. Он ворочался «под ложечкой», не давая думать ни о чем, кроме одного – он любит другую!

Молодые люди и Лариса Алексеевна взяли себе по чашечке кофе и по крошечному пирожному. Они уселись неподалеку от наших девушек, оживленно о чем-то болтая. Иногда Олег скользил взглядом по окружающим, но был так увлечен беседой с «этой», что девочек и не замечал...

– Пошли! – Надя взяла свою сумку и порывисто встала.

– Подожди! Ведь не доели еще!

– Оттого мы и толстые такие, что трескаем ведрами!

– Ах, вот ты о чем! – Ира даже засмеялась. – Мы такими, как Лариса, все равно не будем. Кость у нас широкая.

– Всегда можно на что угодно свалить, если силы воли нет! – И Надя ушла одна, оставив Иру доедать сардельки.

Но на сегодня мучений ей показалось мало. Она решила испить чашу до дна.

Спросив на кафедре, как бы между прочим, будет ли еще сегодня Олег Сергеевич, и узнав, что скорее всего больше не

придет, Надя помчалась к выходу из института.

Затаившись на скамейке на бульваре напротив входа, она ждала.

И вот он вышел. Конечно, с ней. Поддерживая свою даму под локоток, – идиотская манера! – Олег что-то увлеченно рассказывал. А она смеялась, не глядя на него. А он все говорил и в глаза ей заглядывал. С ума можно было сойти!

Что делать?! Утопиться?! Повеситься?!

Такой удар!

А почему же он так на нее, на Надю, смотрел?! Только будто ей одной про антенны рассказывал... Какой негодяй!..

Потом, немного поостыв, Надя попыталась трезво посмотреть на ситуацию. Ведь ничего-то у них и не было... а взгляды! Что – взгляды... может, ему просто нравилось, как Надя его слушает, как самозабвенно про антенные устройства на зачетах рассказывает.

А может, просто испугался с Надей роман завести. Ведь преподавателям – она слышала – никаких отношений со студентами заводить нельзя. Могут и с работы выгнать...

Надя вздохнула и открыла конспект. Зачеты все равно сдавать надо...

3 ноября 1997 года. Он.

– Андрюша, да отдохни хоть чуть-чуть. Слезай! С утра

ведь не присел, все с этой проклятушей крышей возишься. Да бог с ним, с сараем этим! – Мама стояла около закута и, задрав голову, из-под ладони смотрела вверх на Андрея.

– Мам, мне нетрудно. Вот заделаю дыру эту и слезу. А то течет прямо на Милку.

– Ой, Андрюш, Милка за столько лет привыкла уже! – Мама улыбалась. – Небось, удивится, если сверху капать не будет.

Андрей, однако, принял намек на свой счет. Давно он не был дома, все некогда, все дела. Понимал, что родителям непросто без его помощи дом содержать – то одно надо починить, то другое. А им ведь давно за шестьдесят. Особенно отец... сердце прихватывало, даже в больнице лежал...

– Мам, посмотри, там должна быть жестяная коробка с толевыми гвоздями.

– Где?

– Да около лестницы прямо.

– Есть коробка. А гвоздей нету.

– Как нету?

– Да так, пустая она.

Андрей слез и сам проверил. Гвоздей действительно не было.

– Надо в магазин съездить.

– Так это почти пятнадцать километров! – всплеснула руками Анна Никитична. – Завтра съездишь. А то уже полдень, пока туда, пока обратно, уже и темно будет! Дни-то счас ко-

роткие, да и дорога все же!

– Нет, мам, поеду. А то до конца отпуска не успею крышу починить.

И Андрей прямо в чем был завел старый «жигуленок» и выехал со двора.

По бокам унылой дороги пестрели черные пустые поля с белыми проплешинами. Хотя и было уже начало ноября, снег настоящий еще не выпадал. Андрей вспомнил бело-ледяной Североморск, где уже давно, с начала сентября, царствовала зима.

А здесь тут и там по обочинам пашни еще зеленела трава, вплетая живую ниточку в черно-белый узор.

В магазин Андрей успел. Здесь он подивился разнообразию хозяйственных товаров и инструментов для любителей заниматься строительством. И гвоздей всяких было завались. Не то что раньше, когда надо было что-то все время искать и доставать...

На обратном пути решил к тете Нине заехать. Мама рассказывала, что дядя Коля очень болеет и сейчас в больнице в Курске лежит. Поэтому тем более надо бы заехать, навестить тетушку.

– Ох, Андрюша, какой же ты стал!

– Да какой, тетя Нин?

– Возмужал! Настоящий офицер.

– Да и не офицер я, – поморщился Андрей.

– Неважно! Не знаю, как там у вас точно, но форму-то носишь?

– Конечно.

– Значит, офицер.

– Ну ладно. Как вы тут?

– Да вот, Коля приболел, уж почти месяц как в больнице. Сердце, будь оно неладно.

– А что врачи говорят?

– А что они могут говорить? Сами мало что понимают.

– Ну как же – учились...

– Не знаю, как они учились, а толку от их лечения мало. Как лежал, так и лежит.

– Может, в другую больницу или еще что? Надо ведь что-то предпринимать...

– Да вот Катя моя предлагает в Питер его привезти. Там уж и врачи получше, может, помогут...

– Теть Нин, если моя какая помощь нужна, скажите.

– Спасибо, Андрюш. У тебя и своим помогать надо. Как отец-то?

– Держится.

– А мне Катя с Олей помогают. Слушай, их Надя в какую-то богатую контору устроилась, большие деньги получает да за границу ездит!

– Да?! Здорово! Умница какая выросла!

– Да уж выросла – двадцать два года!

– Замуж, наверное, вышла?

– Нет, написали бы. Я б и на свадьбу съездила...

Андрей ясно вспомнил свадьбу сестры, Надю в голубом платье, ее восторженные глаза. Вспомнил, как она на него смотрела. Даже неудобно как-то было... Она ему тоже тогда понравилась... маленькая только. Да и сразу разъехались – она в свой Питер, к «городским», а он в Ольховке остался.

Виделись они еще раз уже в Ленинграде. Андрей тогда приезжал на майские праздники с друзьями. Остановились у Виталиковых родственников, благо квартира позволяла. А Ольга, Надина мама, пригласила его в гости. Он пришел тогда с Виталиком.

Надя накрывала на стол, сновала в кухню, из кухни, помогая маме. С тех пор, как они познакомились с Андреем, Надя из смешной девчонки превратилась в очаровательную, уверенную в себе девушку. Фигурка у нее стала стройной, хоть и не очень худенькой. Особенно же притягивало взгляд лицо – с зелеными насмешливыми глазами и аккуратным, вздернутым носиком. Светлые волосы то и дело спадали выющимися прядями на лицо, и она их постоянно поправляла.

Ребята просидели в гостях часа два. Говорили об училище, о деревне, о знакомых.

Раздался телефонный звонок.

– Надя, это тебя, – Оля держала телефонную трубку и улыбалась.

– Кто?

– Не знаю. Наверное, артисты твои.

Надя коротенько поговорила по телефону, повесила трубку и сказала:

– Извините, но мне нужно идти.

Андрей с Виталием тоже стали собираться.

Когда вышли на улицу, Надя спросила:

– Вам куда, мальчики?

– Да мы свободны до послезавтра. Так что нам все равно.

– Хотите к нам на репетицию?

– Хотим, конечно!

...Возвращались к родственникам уже поздно вечером.

– Слушай, а эта Надя очень даже!

– Да...

– Андрюха, а может, мне за ней приударить? Ты не против?

– Конечно, против!

– А ты что, сам?..

– Да нет, мы ведь почти родственники!

– Тогда почему против?

– Да потому! Нет у нас... у тебя шансов.

– Это почему?

– Потому что мы – болваны неотесанные. А она...

– Что – она?

– Питерская – раз, красивая – два, будет артисткой – три!

– Ну еще неизвестно...

– Хватит! Отстань...

Тогда они чуть не поссорились. Андрею самому Надя очень понравилась. Но он отлично понимал, какая огромная разница между ними, и ей вряд ли будет интересно общаться с ним.

Он видел, какие модные и крутые мальчики окружают Надю. И как ей весело в их обществе!

Да у него уже и Настя была...

Это случилось в мае 1990 года, семь лет назад.

...Андрей посидел у тети Нины еще. Они выпили чаю с тортиком, который он принес, и он стал прощаться.

– Посиди еще, Андрюш.

– Нет, тетя Нин, надо ехать, стемнело уже.

– Ну до свиданья, сынок. Не забывай нас!

– До свиданья, тетя Нин. Будете с Питером разговаривать – привет им от меня.

– Обязательно, Андрюш.

– Не болейте!

Обратная дорога заняла у Андрея гораздо меньше времени, чем днем. Машины навстречу попадались редко, и он гнал по шоссе с большой скоростью, выжимая из «жигуленка» все, на что тот был способен.

«Надо же – и не замужем еще... И не артистка...» – думал он про Надю.

И сам не понимал, рад он этому или нет.

3 ноября 1997 года. Она.

Надя вышла из офиса уже в половине седьмого. На улице было прохладно. По русским меркам – для ноября даже тепло: плюс девять. Но неприятный ветер так и пронизывал насквозь, трепал волосы и гонял по улице желтые листья. Они застревали возле домов, словно старались спрятаться от ненавистного ветра, не ведая, что дни их сочтены.

«А дома, наверное, уже снежок выпал», – подумала Надя и невольно поежилась.

Она хотела погулять сегодня по городу, посмотреть Манчестер глазами жителя, так сказать, увидеть его не заметные для туристов стороны. Экскурсию здешние программисты ей уже устраивали в первый же день. А вот побродить самой, без провожатых, еще не удавалось. Надя знала про Манчестер немного. В средние века это был ремесленный городок, который со временем превратился в мировой центр хлопчатобумажной промышленности. И теперь Манчестер являлся признанной столицей северной Англии.

Погруженную в свои мысли Надю догнал Шон, программист из Сиднея, который вот уже две недели был здесь, что называется, в командировке. Надя не сталкивалась с ним по делу, а познакомились они на вечеринке, которую несколько дней назад устроил здешний шеф.

Обменялись приветствиями, и Шон спросил:

– Гулять идешь?

– Да, хочу город посмотреть.

– Я считаю, что смотреть тут особо нечего. Не Лондон и не Париж.

– Ну почему, много ведь средневековых зданий сохранилось.

– А ты любишь готику?

– Да, мне нравится этот стиль.

– А знаешь, что немцы хотели этот город с лица земли стереть?

– Нет, не знаю!

– Тогда слушай.

И пока они дружно шагали к историческому центру Манчестера, Шон рассказал Наде, как Люфтваффе не раз бомбила Манчестер, потому что многочисленные его предприятия работали на поддержку вооруженных сил. Особенно фашистам «удался» Рождественский блиц – две ужасные ночные бомбардировки, которые они устроили с 22 на 23 декабря и с 23 на 24 декабря 1940 года. Последствия для Манчестера были кошмарны – практически все предприятия были уничтожены, превратившись в груды развалин. Хорошо было одно – погибло мало людей, потому что это было ночью.

Шон рассказывал увлеченно, со знанием дела. Видно было, что он прекрасно осведомлен.

– Шон, ты так хорошо знаешь историю Манчестера! Откуда это у программиста?

– Ну не всегда я был программистом. Еще в школе очень интересовался историей вообще и историй Англии в частности. Хотел серьезно этим заниматься.

– И что помешало?

Шон засмеялся:

– Помешал прогресс. Это ты такая молодая, все ваше поколение уже с детства на компьютерах. А когда я был юношей, все только начиналось. Увлёкся программированием. И... позабыл об истории. А ты почему в программисты пошла?

– Да тоже – модно стало. Сначала артисткой хотела стать, а потом... Попробовала – получилось, и вот...

– И вот ты здесь! Здорово, что не стала артисткой!

– Почему?

– А как бы мы тогда с тобой познакомились?

Надя улыбалась, а Шон продолжал:

– Ты бы была знаменитостью, и я смог бы видеть тебя в кино или, в лучшем случае, на красной дорожке в Каннах.

– Ну ты скажешь – в Каннах!

Так, мило болтая, не обращая внимания на уже моросивший дождик, они дошли до берега реки Эруэлл, зашитой в серый гранит. Серым здесь было все – мрачные здания на набережной, серое над ними небо и стальная вода в реке.

– Да, неуютно, – поежилась Надя.

– Я же говорил – не Париж. Слушай, давай посидим, кофе выпьем. Я знаю здесь прелестные кафешки в районе Норт.

– Далеко?

– Нет, буквально семь минут ходьбы.

И действительно, через некоторое время они оказались в чудесном райончике, сверкающем витринами бутиков и рядных ресторанов. Будто и не было серого, холодного берега Эруэлла неподалеку.

Шон заказал кофе с пирожными и немного вкусного ликера.

– Здесь, конечно, принято пить ирландский виски, но мы это прибережем на потом. О'кей?

Они потягивали кофе, с симпатией глядели друг на друга, разгоряченные беседой и ликером.

– Надя, а у меня к тебе предложение, – Шон был очень серьезен. Наде почему-то стало не по себе.

– Какое предложение? – тихо спросила она.

– А поедем завтра в Ливерпуль?

– Ну не знаю... А как же шеф?

– Шефа беру на себя, договорюсь с ним. А программу свою выучишь послезавтра. А шеф все поймет, ведь Beatles – это святое!

...Еще не раз и не два, а порой долго потом и совершенно неожиданно вспоминалась Наде та изумительная поездка в Ливерпуль. День был весь пронизан солнечными лучами, такими ласковыми, такими яркими... Они сверкали в синей воде речки, отражались на немногих сохранившихся листьях

старых платанов и румянили прохладные щеки...

Надя полностью положилась на Шона и не спрашивала, куда идти и что смотреть. Она покорно следовала за своим нечаянным гидом, внимательно слушала его рассказ об этом городе, который от начала до конца был пронизан историей легендарной четверки.

Шон рассказал, что так исторически сложилось – здесь проживают представители многих наций. Поэтому Ливерпуль – город свободный и многоцветный. Тем не менее, ирландцы составляют основу католического общества Ливерпуля.

Молодые люди посетили, насколько это было возможно за один день, все, что связано здесь с именем Beatles.

Зашли в Cavern – клуб любителей тяжелого рока, где в 1961 году состоялся дебют группы. Надя с благоговением смотрела на памятник Джону Леннону у входа.

Перекусили в туристической Мекке – кафе The Pan American Club, купили сувениров в The Beatles shop. А потом Шон потащил уставшую Надю на улицу Пенни Лейн, песню о которой она так любила. Поглядели на барельеф «Четыре парня, которые потрясли мир» на Мэтью Стрит. Наде очень понравилось, что здесь битлы были изображены в виде младенцев на руках Девы Марии.

Они буквально пробежались по местам, где родились и жили битлы.

Времени не хватало, надо было уезжать. Шон предложил Наде все же пообедать в этом чудесном городе. Сначала она отказывалась, но голод взял свое.

– Надя, я гарантирую, этот обед ты запомнишь.

Это был стильный ресторан Fusion. Великолепное, и в то же время современное убранство ресторана располагало к уединению и покою. Надя, расслабившись, поглядывала по сторонам. Они пили холодное сухое белое вино, ожидая фирменного тунца с маслинами.

Шон неожиданно взял Надину руку в свою, пожал тихонько и спросил:

– Тебе понравилось?

– Что именно?

– Все.

– Да, очень! Ты знаешь, я в восторге. Спасибо тебе большое, Шон.

– Спасибо мало.

– А чего будет достаточно?

– Обещай приехать в Австралию, ко мне, в Сидней. В гости.

– Ты шутишь?

– Нет, я абсолютно серьезно. Ты же понимаешь, как нам хорошо вместе.

Надя молчала.

– Что ты молчишь? Мы же любим одно и то же, нам даже

картины одни и те же нравятся.

– Но этого еще недостаточно. Я тебя... то есть мы друг друга совсем не знаем.

– Это исправимо, Надя. Вот я весь перед тобой. Лет мне тридцать один, разведен, детей нет. Работаю в приличной фирме, зарабатываю приличные деньги. Ну что еще? Есть мама – очень милая и кроткая женщина. Вы друг другу понравитесь, я думаю.

– А отец?

– Умер, к сожалению. Сердце. Вел очень бурный образ жизни.

– ??

– Играл... играл на деньги везде, где можно – лотереи, казино, скачки...

– И как, успешно?

– Да, очень. Так успешно, что умудрился наш дом проиграть – забрали за долги.

– Кошмар!

– Давно это было. Не будем о грустном! Ну как, более-менее подхожу? Или есть другие препятствия?

Надя поглядела ему в глаза:

– Шон, я, наверное, скоро замуж выйду...

– Да... это действительно препятствие!

Шон нахмурился, помолчал немного, а потом сказал:

– Слушай, я ведь тебе не руку и сердце предлагаю... пока. Давай просто не терять друг друга из вида!

– Давай!

6 ноября 1999 года. Она.

Солнце уже начало садиться. Интересно, что оно только недавно вырвалось из облаков и, как будто устав от борьбы с непогодой, спешило на покой.

Надя брела вдоль набережной Ботанического сада. Какая здесь красота!

После только что прошедшего теплого дождя огромные деревья и какие-то сказочно красивые кусты с розовыми колокольчиками стряхивали под легким дуновением ветра сверкающие капли. Облака на небе таяли и легкими волнами уплывали вдаль. Буквально несколько минут назад Надя щелкала своим фотоаппаратом, стараясь запечатлеть сетку дождя, которая покрывала все вокруг, а сейчас об этом дожде напоминали лишь небольшие лужицы на асфальте.

Надя посмотрела на снимки, которые сделала. Здорово получилось! Красиво и нежно. Она остановилась у парапета, в который бились морские волны. Вернее, не морские, а океанские! Здесь же вода из Тихого океана! Здорово!

Прямо перед Надей горделиво и в то же время экзотично расположился своими огромными раковинами Сиднейский оперный театр – Опера Хаус. А за ним – знаменитый мост: Харбор Бридж. Картина была такой впечатляющей, что Надя снова поспешила достать свой фотик и сделать еще несколь-

ко снимков.

– Хотите, я вас сфотографирую? – симпатичный дядечка, по виду индус, тоже с фотоаппаратом в руках, остановился около Нади.

– Да, спасибо.

Мужчина несколько раз приноравливался, поворачивая Надину камеру так и этак, сделал фотографии. Потом Надя оценила его мастерство – очень удачные снимки получились!

В ответ она предложила любезному дядечке сфотографировать и его. Он согласился с благодарностями. Надя постаралась, и они, улыбаясь, распрощались.

Надя устала. До встречи с Шоном оставалось еще много времени, и она решила посидеть на скамеечке.

Вокруг гуляли люди. Старые и молодые, парочки и целые семьи – все они, казалось, были счастливыми; по крайней мере, здесь и сейчас. Или казались Наде таковыми.

Все-таки жизнь – удивительная вещь! Ведь всего два года назад она, Надя, и не представляла, что вот так будет сидеть на скамеечке, – и не где-нибудь, а в Ботаническом саду в Сиднее! – любоваться видами Опера Хаус и ждать встречи со своим австралийским мужем!

Надя невольно нахмурилась, вспомнив не такие уж давние времена.

Тогда, в Ливерпуле, она сказала Шону правду – она дей-

ствительно собиралась выйти замуж. За своего одноклассника Игоря. Они давно встречались и, казалось, полюбили друг друга. Единственным препятствием на пути к их счастью была мама Игоря. Вернее, не она сама, а ее стойкое нежелание увидеть своего сыночка женатым. Она считала, что в двадцать три жениться рановато, надо «опериться сначала». Молодые люди решили, что слушаться маму Игоря не будут и, когда Надя приедет из Англии, – такой они себе наметили рубеж, – объявят Нелли Игоревне – так звали мамочку Игоря – свое решение вступить в законный брак.

Надя была в Англии всего три недели, но успела соскучиться по Игорю. Парень он был веселый, не красавец, но очень симпатичный и к себе располагающий. Надя замечала, что он нравится девушкам, и ей было приятно, что это – ее молодой человек! Родителям Нади Игорь тоже нравился. А это ведь немаловажно!

Прилетев из Лондона и сойдя с самолета, Надя глазами искала в толпе встречающих Игоря. И, к своему удивлению, не обнаружила.

«Наверно, случилось что-то, – подумала она. – На него не похоже. Ведь он такой внимательный!»

Набрала его номер. И Игорь веселым голосом ответил:

– Ой, Надюш, ты откуда звонишь?

– Как откуда? Из Пулково.

– Как, ты уже прилетела?

– Конечно! А ты что, забыл?

– Да закрутился, Надь. Столько работы! Когда увидимся?

– ...

– Слушай, давай в пятницу! Раньше не вырваться!

– Откуда не вырваться? Ты что, по вечерам работаешь?

Сегодня же еще вторник!

– Слушай, сейчас некогда, шеф вызывает. Давай я тебе вечером позвоню?

– Пока, Игорь...

Надя была в шоке. Все это было так на него не похоже!
«Забыл, забегался...»

Разве не он повторял миллионы раз, что Надя – главный на свете человек, что без нее ему жизнь – не жизнь, и разлучить их сможет только гробовая доска. Вот так и весело, и мрачно он шутил...

Потом-то все объяснилось.

Оказалось, что неугомонная Нелли Игоревна решила, что пока Надя вдалеке, надо ослабить ее, Надино, влияние. И познакомила своего Игорька с товаркой по работе. Та была намного старше Игоря, – но ведь не в невесты же ее про-чили! – но намного моложе самой Нелли Игоревны. И, что очень важным оказалось – намного опытнее нашей Нади в амурных и постельных делах.

Игорек поплыл; забыл и про Надю, и про гробовую доску. Вот такие дела...

Справедливости ради надо заметить, что Надя наша не

долго переживала. Она придерживалась принципа: значит, не судьба. Значит, что-то другое ждет впереди?

Наступила зима. Она оказалось такой снежной, какой давно уже не была. И в декабре Надя с компанией ездили кататься на лыжах в свой любимый Пушкин и еще более любимый Павловск.

Почти сразу после Надиного приезда позвонил Шон. Потом еще и еще... Разница с Сиднеем во времени была большая, и разговаривать было не очень комфортно – когда там вечер, в Питере глубокая ночь. И наоборот. Поэтому они стали писать друг другу письма...

Как-то Шон спросил: «Замуж еще не вышла?» – «Нет, пока нет». – «Собираешься?» – «Нет, пока не собираюсь». – «Выходи за меня!»

Надя промолчала...

Прошло почти два года. И вот она здесь.

Надя улыбнулась, вспомнив, как в консульстве требовали доказательства их долгого знакомства – письма, квитанции звонков, чуть ли не свидетелей! А что – были же фиктивные браки, за деньги. Многие девушки хотели правдами и неправдами свалить за границу. А этого бдительные австралийцы и еще более бдительные наши органы допустить не могли.

Сейчас все было хорошо. Шон был внимателен, Наде с ним интересно. Да и, что греха таить, им хорошо было в постели.

Тогда, перед ее отъездом в Австралию, мама плакала и говорила: «Так далеко! Как мы будем видеться?»

Конечно, этот вопрос был самым тяжелым.

Но ведь есть самолеты!

Пора! Надя встала со скамейки и пошла к выходу из парка.

У ворот стоял Шон. С букетиком мелких розочек, которые так нравились Наде...

6 ноября 1999 года. Он.

Ресторан гремел музыкой.

Молодая бойкая певичка, ни капли не смущаясь, что не все у нее ладно получается, перепевала хиты всех популярных певиц и певцов.

Андрей был уверен, что закажи сейчас кто-нибудь «Мурку», Мари – так звали певичку – споет и эту песенку.

Они с приятелем Гошей, он же Жора, зашли посидеть в ресторан, пропустить, как говорится, стаканчик-другой. Ничего лишнего. Домой идти не хотелось. Последнее время Настя ходила мрачнее тучи, срываясь на детях. Хотя он-то отлично понимал, что дети и их отметки здесь не причем.

А «причем» был он. И его «роман» с Лялей. Роман этот то затухал, то разгорался с новой силой. Продолжать отношения с приставучей Лялей у него не было никакого интереса,

если так можно было выразиться. Он бегал, стараясь от Ляли скрыться. Но скрыться здесь было некуда, в этом, в сущности, деревенском городке с многоэтажными обшарпанными домами. И Лялочка умела его как-то уговорить, настоять, и Андрей, не имея большой привязанности дома, снова продолжал встречаться с Лялей.

– Слухай, Андрюха, а чего ты дальше учиться не пошел?

– А ты?

– погоди, не обо мне речь. Я – другое дело. На большее и не тяну. А вот ты?!

– А зачем?

– Да как – зачем? Не говори... – Гошин язык слегка заплетался. – Сейчас бы уже капторангом был!

– Ну ты скажешь – капторангом! Да и зачем, я тебя спрашиваю?

– Да рожу бы намылил Лялькиному мужу, и тебе бы за это ничего не было...

– Охота мне...

– Гляди – а ему, вроде, охота!

К их столику приближались двое. Один из них был капитан третьего ранга, Владимир Семрин – муж Ляли, а второго Андрей не знал.

– Ну, красавец, выпьем? – по голосу Владимира сразу стало понятно, что он уже много выпил.

– Пить с тобой не буду.

– Эт-то почему?!

– Мы уходим.

– Уходим! – как Петруха за Суховым, за Андреем повторил Гоша.

– И куда? Не ко мне ли домой?

– У меня свой дом есть! – Андрей поднялся, и теперь оба они с Семриным напоминали двух петухов перед боем.

– Ах ты, гнида беспогонная, мичманишко вшивый!..

– Ну ты, полегче!

– А то что?! Это ты еще угрожать мне вздумал?

– Счас по морде схлопочешь!

– Да ты знаешь, что я могу тебя в порошок стереть? Мало того что женой моей пользуешься, так еще и... Оборзел!

С этими словами Семрин размахнулся и ударил Андрея. Но поскольку из-за принятого на грудь немалого количества спиртного движения его были заторможены, удар оказался смазанным. Андрей же в ответ врезал своему сопернику прямо в челюсть. Тот, сбивая на своем пути стулья, рухнул на пол, потащив за собой скатерть с соседнего стола. Тут сцепились и «адъютанты» – Гоша и незнакомый офицер, дружба Владимира.

Мгновенно распахнулись двери, и в ресторан, громко топая ботинками, ворвался патруль. Было такое впечатление, что они стояли на улице возле ресторана и наблюдали за происходящим в окно.

– Товарищи офицеры! Прошу следовать за мной!

Дальше опять зазвучала притихшая было музыка и понеслись неугасающие хиты в исполнении Мари.

«Листья желтые над городом кружатся...»

В общем, ничего интересного.

Таким вот образом Андрей восстановил против себя свое начальство. Потому что кому же хочется иметь проблемы на корабле. Дисциплина на флоте превыше всего.

Да и кто же знал, что у Лялиного мужа есть могущественные покровители с большими звездами, которые при любом грядущем сокращении не то что не поддержат образцового, но чуть-чуть оступившегося мичмана, а помогут ему покинуть флот, поддав, что называется, под зад коленом.

Но все это было еще впереди...

28 июня 2001 года. Он.

С некоторых пор Андрей очень не любил свой день рождения. Казалось, что годы проходят без особой удачи. Могли бы быть счастливее, не такими однообразными. Особенно его тяготила каждодневная унылая служба. Тогда, в юности, все пошло не так, как хотелось. Думал, мечтал заниматься наукой, любимой математикой... А очутился в этом холодном, неприветливом городе, лежащем на берегу ледяного моря, как бездомная собака...

Но отмечать дни рождения было принято, как и другие мало-мальски отличные от будней дни, и никто его бы здесь

не понял и, в конечном счете, просто осудил, если бы он «зажилил» свой праздник.

За столом шумно произносились тосты за именинника. Мореманы в который раз вспоминали свои редкие походы за границу. Когда потеплела международная обстановка, иногда в их Североморск приходили иностранные военные корабли, и наши тоже принимали предложения визитов от заморских коллег. Это называлось «дружественными визитами».

– А помните, ребята, Мальту? Как мы там швартовались? Все загалдели, перебивая друг друга.

Тогда, в порту Мальты, им оставили совсем небольшое место у причала для швартовки, чтобы понаблюдать, как русские выйдут из трудного положения. А русские вышли с честью – филигранно пришвартовались своим здоровенным бортом между двумя английскими кораблями.

– А прием? Андрюха, помнишь, на тебя жена американского капитана поставила, что больше всех водки выпьешь? А ты не подкачал!

Да, было дело. Андрея поставили барменом на приеме, который они давали иностранным гостям. И Андрей вышел победителем в схватке пьющих водку. Потом, конечно, голова трещала, как пустой орех, но выигранная бутылка американского виски долго, нетронутая, ценным трофеем стояла у них в серванте...

...Веселье подходило к концу. Постепенно иссякли тосты. Все чаще слышалось просто: «Давайте выпьем!» За кого и за что – устали повторять, да и всем было ясно, что пьют они за тех, кто в море...

Хотелось курить. После очередного «Чтобы все!..» Андрей встал из-за стола и направился к выходу из квартиры. Проходя мимо кухни, услышал: «Насть, ну что ты ломаешься? Ты думаешь, ты Андрюхе нужна? Как бы не так! У него Лялька давно есть!» – «Сережа, отстань! Уйди, я прошу!» – послышался Настин голос.

Андрей влетел в кухню и с размаху врезал своему корешу Сереге по физиономии. Тот отлетел к кухонному столу Загремела, падая, посуда.

– Ты что, обалдел!? – Серега, еле удержавшись на ногах, потирал ушибленную скулу.

– Ну ты гад! Чего к моей жене пристаешь? Разведенка тебе мало?

– Чья бы корова мычала!

– Пошел вон!

– Да и пойду, не беспокойся. Еще пожалеешь, один останешься!

Сергей ушел, хлопнув дверью.

– А ты чего? – Андрей со злостью смотрел на Настю.

– При чем здесь я?

– Да при том! Почему к тебе пристает, а не к другим?!

– Андрей, только не надо с больной головы на здоровую.

Эта Ляля...

– Знаешь, я тоже про Рената твоего знаю!

– Про кого?!

Тут в кухню вошел Гоша.

– Что за шум, а драки нет? Чего вы тут делаете, голубки?

– Все нормально. Сейчас идем за стол. Покурю только...

Андрей вышел на улицу.

Хотя уже перевалило за половину двенадцатого ночи, светло было как днем. Редкие прохожие пересекали небольшую площадь, на которую выходил их дом. Солнце стояло высоко и как-то глупо, не мигая, светило на землю, закутанную в серый асфальт. И только трава на газонах грелась в его лучах. Наверное, с удовольствием.

Настроение у Андрея, и так-то не очень хорошее, испортилось от этого инцидента на кухне окончательно. Он шагнул по улицам без всякой цели, стараясь ни о чем не думать. Мелодией тореадора из Кармен зазвонил мобильный. Настя. Андрей отклонил звонок. Телефон зазвонил опять. Андрей хотел, было, снова нажать на красную кнопку, но взглянув на дисплей, увидел другое имя.

– Сейчас буду! – сказал он и быстрыми шагами направился к знакомому дому.

...На столе, накрытом праздничной скатертью с замысловатой вышивкой, стояли вишневые бокалы богемского стекла. Белоснежные салфетки, свернутые кувертом как в дорожном ресторане, располагались на великолепных фарфоровых

тарелках. Серебряные приборы начищено блестя, в вазе на ножке, свисая гроздьями, лежал виноград. И, довершая шикарную картину, около вазы лежала коробка шоколада «Коркунов».

Ляля, одетая в очаровательную белую блузку и серую юбку простого покроя, улыбаясь, чмокнула Андрея в щеку, побежала на кухню, принесла запотевшую бутылку шампанского.

– Садись, Андрюш!

– Ну ты даешь! Красиво как!

– Нравится?

– Очень! А как ты догадалась, что я приду?

– Догадалась! Давай за тебя выпьем!

Андрей открыл шампанское. Они выпили.

– Знаешь, а я утку приготовила. По-пекински. Ты ведь любишь?

– Лялечка, есть не хочется. Давай просто посидим.

– Как хочешь... Останешься?

– Не знаю...

Пуговички на Лялиной блузке были расстегнуты. Почти до конца...

28 июня 2001 года. Она.

Надя кормила Сашу, а сама все поглядывала на часы. Саша капризничал, он никак не хотел есть полезное рагу из

овощей. Надя подумала, что сын точно в нее. Мама любила рассказывать, как маленькая Надя, когда ей давали овощи, приготовленные на пару, с сосисками, съедала только вкусные, но вредные сосиски, а овощи оставались на тарелке. А когда мама с укором спрашивала: «Почему?», она отвечала: «Даже Васька не ест эти овощи!» – «А ты ему давала?» – «Да, но он отказался и убежал!»

Васей звали любимого кота.

Надя вздохнула, потеряв терпение, и дала Саше сосиску. Он обрадовался, сосиска быстро исчезла с тарелки.

– Все, Саша, играй. Маме некогда.

Малыш пополз по огромному ковру, застилающему пол в гостиной маминой квартиры. Он так смешно семенил, напоминая черепашонку, спешащего к морю! Его целью были игрушки, разбросанные по комнате.

Надя гостила у мамы вторую неделю. Сегодня они с девочками решили организовать встречу, и Надя ждала гостей. Получилось здорово, что вся их «великолепная четверка» – Надя, Инна, Света, Ира – официантки ресторана «Садко», каковыми они были «на заре туманной юности», смогла собраться в родном Питере.

Она приступила к готовке любимого «оливье». Резала, крошила и вспоминала...

...Вот они с Инной собирают ее, Иннины, вещички. Инна уезжает от постылого мужа, правда, «со всеми удобствами», – квартира, хоть и небольшая, машина, пусть отече-

ственная, но бегают, дача, шесть соток, правда, но есть, – к перспективному богатому киприоту. Инна складывала свои пожитки и тараторила:

– Надь, представляешь, у него несколько домов в Никосии, бизнес...

– А какой бизнес-то?

– Да какая разница... денежный!

– Слушай, а лыжные ботинки в эту сумку?

– Да.

– Инна, а зачем тебе в Никосии лыжные ботинки?

– Ни к чему! Ты права.

– Выбросить?

– Нет, возьму. У мамы на квартире оставлю. Мало ли...

Инна как в воду глядела. Не то, что ботинки пригодились... но еще могут пригодиться.

Она вернулась из Никосии через четыре года. С двухлетним мальчиком Димитрием. Выглядела она тогда отлично. На все вопросы отвечала: «Вернулась насовсем. Там жарко!»

Оказалось, что киприот не оправдал надежд нашей Инны. Денег давал мало и заставлял работать! Да еще как – за лошадьми ухаживать! Все подстегивал да был недоволен! А его мерзкие три взрослых балбеса от прежних двух браков невзлюбили Инну, которая им в сестры годилась. Они, правда, тоже в конюшнях работали у папаши. Но они и должны – они мужчины!

И вот Инна снова в Питере. С мамой и сыном, в новой

квартире на Пушкинской, которую киприот купил своему маленькому сыну. Так что Инна не в накладе!

Зазвонил телефон. Звонила Света, извинялась, что сможет прийти гораздо позже. Надя расстроилась, потому что именно со Светой ей больше всего хотелось встретиться, поболтать.

У Светы была своя история. Она сейчас жила во Франции, на Лазурном берегу, в очаровательном местечке Вильфранш. Здесь у ее мужа была роскошная – по Светиным представлениям – вилла, которую она приглашала Надю посетить. Но легко сказать – где Австралия, а где Лазурный берег! Не очень-то соберешься. Но Надя уже начала настраивать своего мужа, что как только Саша подрастет, они все вместе рванут на Лазурный берег...

Свете повезло во всем. И однокашник, в которого она была со школы влюблена, в нужное время – когда она с мужем развелась – оказался холостым, и мама его приняла Свету с распростертыми объятиями, и дом был почти на берегу Средиземного (!) моря... Но было одно НО. Этим «но» была Светина мама.

Мама родила Свету поздно, и сейчас это была довольно пожилая семидесятипятилетняя женщина. Здоровье, соответственно возрасту, пошаливало: то ноги, то печень, то голова... И вот все бы ничего – надо лечиться, так надо, что поделаешь. За границей еще лучше лечат. Но мама Светы была неисправимой патриоткой, а в молодости – яркой коммунист-

кой. Ей категорически не нравилось, что Света собирается насовсем уехать во Францию. А еще самой главной причиной было неприятие Алексея. Нет, конечно, если бы он был из семьи французских коммунистов, – таких же тоже много! – тогда еще ничего. Но сам Алексей был потомком старинного дворянского рода, представители которого успешно эмигрировали после революции. И только отец Алексея как-то невзначай снова заехал в Россию, нашел свою бывшую возлюбленную, семья которой не эмигрировала, сделал ей ребеночка и снова свалил в свою Францию. «И ты подумай, – вещала Светкина мама, – яблоко от яблони – Алексей уехал-таки из России, родной страны!» На все Светкины доводы, что многие сейчас уезжают, не прежние времена, мама отвечала: «Пусть уезжают». А она, дескать, Родину не предаст и ни на какой Лазурный берег не поедет.

А сейчас Светина мама маялась с очередным приступом головной боли, приговаривая: «Вместо того, чтобы с матерью больной посидеть, к девкам своим бежишь!»

В общем, беда...

Позвонили в дверь. Пришла Ира. Стройная, хорошо одетая, загорелая.

– Привет!

– Привет, дорогая!

И одновременно:

– Отлично выглядишь!

Девочки рассмеялись. Ира надела передник и присоеди-

нилась к Наде, помогая готовить.

– Ир, как Наташа?

– Знаешь, просто молодец! Учится хорошо и мне помогает.

– А чего тебе помогать? Не дети же по лавкам.

– Надь, ты меня знаешь – я же не люблю всю эту домашнюю работу: готовить, стирать, мыть посуду. Вот Наташа и делает все.

– В общем, эксплуатация детского труда!

– Что-то вроде того, – Ира засмеялась. – Между прочим, мечтает о Кембридже, врачом хочет стать.

– Вот это да! Это серьезно. Думала ли ты тогда, что дочь в Кембридже будет учиться?

– Я думала! Для чего тогда, если без Кембриджа?

И опять веселый смех.

– Ну про Гошку не спрашиваю...

– Да почему? Спрашивай. Уже отболело все. Помнишь, я писала, что он лахудру эту английскую нашел? Чем уж лучше меня – не знаю. А только не очень у них хорошо все вышло – мы-то первые места с ним занимали, а они – последние. Вот она его и бросила.

– Откуда знаешь?

– Надя, Брайтон – городок маленький. Знаю.

– Ира, какая ты молодец! И сама устроилась, и дочку в Англию перетасила. Мы перепугались тогда, когда вы с Гошкой в Лондоне остались, что ребенку выехать не дадут.

– Да, был кошмар. Но теперь все позади. Не будем о грустном. Ты салат солила?

– Нет. Попробуй сначала, может, и не надо солить – огурцы же соленые. Ира, а как у тебя на личном фронте?

– Пока без перемен. Но противник предпринимает вылазки, – Ира опять засмеялась.

Раздался звонок. Саша, такой смешной, быстро пополз по коридору к двери.

– Ты куда? Открывать? – Надя подняла мальчишку на руки, открыла.

За дверью стояли, улыбаясь, Инна с Димой и Света. Обе с шампанским и цветами. Дима держал в руках медвежонка.

– Привет, Димитрий! – Надя пожала пухлую ручонку – Свет, а как тебе-то удалось?

– Да вот удалось! Сказала, что тоже дворян эмигрирующих не уважаю. Но тут – Любовь!

– И она поняла!?

– Наверное!

– Дима, мишку-то Саше подари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.